

Подледный лов на «Маскараде»

Известия, - 1998, - 7 апреля, - с.5.

Алексей ФИЛИППОВ,
«Известия»

Главной радостью на третьем Международном театральном фестивале имени Чехова стало то, что залы, несмотря на кусающиеся билеты (от ста до ста пятидесяти тысяч за место в партере), полны.

Главное событие — мастер-класс Питера Штайна: такого умного, необычного разговора не ждали даже его записные поклонники.

Великих театральных потрясений пока не было: техника хороша у многих режиссеров, а вот избыток общественных и театральных идей, которые бы ее оплодотворили, не наблюдается.

«Ave Maria» (режиссер Варе Шахвердян), музыкально-пластическое действие, где зав.музыкальной частью театра Ленком Ирина Мусазян на протяжении двух часов пост хвалу Богоматери, можно смело сбросить со счетов. По ведомству драматического театра это зрелище не проходит, и если два первых гимна глубоко трогают, то восьмой уже действует как отличное снотворное: не слишком удачным оказался сам замысел.

А вот «Король-олень» Андрея Щербана (Американский репертуарный театр) и «Маскарад» Римаса Туминаса (вильнюсский Малый театр) — работы, во всех отношениях примечательные: они и украсили первую неделю фестиваля.

«Король-олень» — очень четко сделанный, очень стильный и очень смешной спектакль: сказку Гоцци Щербан разукрасил всевозможными китайскими арабесками. У него это и впрямь комедия масок, позаимствованных откуда-то с Дальнего Востока. Чудовищная, совиная личина злодея Тарталли и аккуратная птичья маска добряка Панталоне; пластика красавицы Анджелы, пародирующая движения каратэ, и рыцарские шлемы на стражниках — такой невероятной и тем не менее выдержанной в едином стилистическом ключе мешанины наша сцена не видела давно.

Сцена из спектакля
«Маскарад».
Фото М. ГУТЕРМАНА.

Рядом с актерами играет огромная кукла, которой помогают передвигаться двое дворцовых слуг; лес и его обитателей изображает театр теней (какие же там прелестные звери!), а волшебник Дурандарт — простым режиссеру эту рольность — собирается изменить магии ради микробиологии.

Короткий — он идет около полутора часов в расчете на привыкшего к киноформату зрителя — спектакль Щербана на редкость гармоничен. Изошренному, тщательно проработанному театральному языку здесь отвечает ясная и добрая мораль. Хорошие люди сильнее плохих, суть важнее видимости, правда долговечней лжи... Девальвировавшиеся от употребления всуе истины в спектакле оживают, вид прекрасной принцессы, обнимающей уродливую старую куклу, в которую переселилась ду-

ша ее возлюбленного, трогает даже циничного московского театралла. Щербан привез на фестиваль изящную, безупречно сделанную театральную безделушку. Туминас продолжил его более значительным — простым спорным спектаклем.

Его «Маскарад» удивительно красив: с неба сыплется белый снег, через сцену, шипя, пролетает шутиха, вдоль авансцены полыхает живой огонь... Человек в армяке и зимней шапке ныряет в прорубь, предположительно расположенную в районе оркестровой ямы, и уходит за кулисы с огромной рыбой в руках. Огромный, раз от разу увеличивающийся в размерах снежный ком, который прокатывается через сцену любителем подледного лова, Лермонтову и не снился, а здесь он олицетворяет судьбу. Спектакль Туминаса сопо-

ставим с живописью Малевича: текст пьесы рождает в душе режиссера причудливые, яркие образы; взятые вместе, они складываются в систему.

Герои, сбившись в тесную толпу, проходят через сцену, круглолицый князь Звездич в длинной черной шинели взмахивает саблей, расходящиеся с бала гости дружно карабкаются на стену — и забираются довольно высоко... Логика мысли здесь нет, зато есть логика чувства, которая подчиняет себя зрителей, — после финальной реплики зал взорвался овациями, причем в наибольшем восторге была нетеатральная публика, которую трудно обвинить в снобизме.

У литовских режиссеров свои отношения с русской классикой: Нокрошюса, например, связывают с ней отношения притяжения-отталкивания — он не может без нее обойтись, но ощущает ее как нечто сугубо чужеродное. Туминас относится к ней куда более гармонично: это его, родное, и он тем не менее в состоянии взглянуть на нее со стороны. С такой мерой отстранения русский режиссер никогда не смог бы поставить «Маскарад» — Римас Туминас свободно гуляет по пьесе, превращая ее в нечто иное, свое, хоть и продолжающее иметь отношение к Лермонтову. Результат интригует — вильнюсский Малый театр подарил нам красивое и необычное театральное впечатление, но ощущение, что лермонтовский текст его спектаклю на несколько размеров великоват, тем не менее остается.

Я встретился с режиссером и спросил: «Римас, что для вас значит русская театральная школа и русская классика?».

— Крайние патриоты иногда называют меня и Нокрошюса «губителями литовского национального театра», имея в виду наши постановки Чехова и Лермонтова. Я только улыбаюсь, а когда пытаюсь для себя понять, почему же я так привержен к русской классике, то прихожу к следующему выводу: дело в том, что она никого не обвиня-

ет и не ищет виновных. Вместо этого она обращается к Богу и судьбе, она не дает ответы, а спрашивает... По самой своей сути русская классическая литература соразмерна человеку, а значит — и театральной игре. Я думаю, что за минувшие десять лет наш театр выжил из-за того, что он постоянно обращался к русской классике, да и мы, режиссеры, благодаря этому многое приобрели.

— Как у сегодняшней литовской интеллигенции складываются отношения с русской культурой, нет ли здесь внутренних противоречий?

— Они есть. Театральные люди мы убедили в том, что я не стану меньше литовцем оттого, что ставлю Чехова и Лермонтова. А в общекультурном контексте это напоминает игру в прятки: все питается русской культурой, но многие предпочитают делать это тайно, в том числе и от самих себя. У людей огромная тяга к информации из России: ваши государственные телеканалы у нас не транслируются, и мы тратим большие деньги ради того, чтобы ловить русское телевидение. Антенны моих друзей направлены на Россию — в особо большой чести культурные передачи, которых у нас нет. Мы их смотрим, а четкого отчета в том, что нам очень хочется видеть Москву, себе не отдаем.

— Тем не менее русская культура из Литвы ушла: изменились школьные программы, нет больше обязательной квоты на постановки русских авторов в театрах, на фильмах в кинопрокате... Что заполнило этот вакуум?

— К нам пришла та же западная продукция, что и к вам, но вакуум вакуумом и остался. Впрочем, все понемногу меняется к лучшему — в школы русская культура возвращается через факультативы, а из театров она никуда и не исчезала...

Закончилась первая декада фестиваля: впереди «Миссис Найф» Оливе Пти и «Три сестры» Кристофера Маршалера — спектакли, которые называют гвоздем программы. Разговор о них впереди.